Хозяин хронометра.

Михаил Селявин

Михаил Селявин

Хозяин хронометра

«Автор»
2026

Селявин М. А.

Хозяин хронометра / М. А. Селявин — «Автор», 2026

Конец XIX века, Бирский уезд. Молодой помещик Анастас Жадовский получает в наследство увядающий винокуренный завод и груз старых долгов. Местные купцы сбивают цену на товар, а попытка договориться с прикамскими воротилами оборачивается унижением и безвыходным положением.Отчаяние приводит разоренного барина на пустынный берег Камы, где в сырой гальке он находит странные латунные карманные часы. Этот механизм не просто отсчитывает минуты — он дает власть над ходом событий, превращая вчерашнюю жертву в безжалостного игрока. С этого мгновения начинается путь Жадовского от обманутого наследника до теневого хозяина уезда, готового на любые махинации ради реванша. Вот только за каждую сделку со временем придется платить по счетам, которые выставляет сама реальность.Повесть является приквелом к повести «Покровский узел» — историей о том, с чего начались темпоральные аномалии в Бирском уезде.

© Селявин М. А., 2026
© Автор, 2026

Михаил Селявин
Хозяин хронометра

Хозяин хронометра

Глава 1. Ангасякский расчет

Дорожный тракт от Бирской пристани до Ангасякского Завода исходил мелкой, удушливой пылью. Тяжелый барский тарантас, запряженный тройкой серых лошадей, натужно переваливался через глубокие песчаные ухабы. Молодой барин, Анастас Николаевич Жадовский, сидел откинувшись на кожаную подушку, но спина его оставалась напряженной, как натянутая тетива. Ему было всего двадцать четыре года, и в Бирском уезде его пока знали лишь как наследника, внезапно получившего во владение Ангасяка вместе с увядающим винокуренным производством.

Анастас Николаевич раздраженно поправил воротник тонкого суконного сюртука. В кармане приятно весили свежие банковские векселя, но на душе было муторно и зло. Поездка на пристань оставила горький осадок. Ангасякский завод выгнал к августу отменную, чистую партию ржаного спирта — сердце и гордость здешних мест. Но ушлые бирские купцы, почуяв скорое закрытие навигации и зная, что Жадовскому кровь из носу нужны наличные для уплаты дядиных недоимок, сговорились. Они буквально прижали молодого барина к стене, безжалостно сбив цену. Спирт пришлось отдать за бесценок.

— Псы уездные, — процедил сквозь зубы Жадовский, глядя, как мимо окон мелькают пожелтевшие от зноя перелески. — Считают, раз молодой, так можно руки выкручивать. Ничего. В Ангасяке еще полные амбары зерна и склады готового вина. Больше я в Бирск ни фунта не повезу. На Покров откроем сбыт на севере — в Николо-Берёзовке. Там купцы прикамские, сибирские, они за наш товар рублем ответят.

Тарантас с грохотом влетел на широкую барскую сторону Ангасяка. Кони осадили у просторного, крепкого одноэтажного дома под тесовой крышей, стоявшего прямо над ленивым зеркалом пруда. Здесь всё дышало недавним достатком, но Анастас видел трещины: покосившиеся мостки плотины, требующие ремонта деревянные крепи и густой овсяный дым над заводскими трубами, который казался теперь не символом богатства, а предвестником разорения.

На крыльцо поспешно выбежал Степан Егорыч — молодой приказчик с расторопными, живыми глазами, еще не растерявший юношеской прыти, но уже знающий толк в заводском учете.

— С приехалом, Анастасий Николаевич! — Степан поспешно распахнул дверцу, подставляя плечо. — Как торги? Надеялись мы, что бирские-то...

— Бирские из ума выжили от жадности, Стёпка, — отрезал Жадовский, сходя на землю. — Заноси вещи. Вели самовар ставить. Разговор есть серьезный.

В барской горнице было прохладно и пахло сухой травой и чистым известьем. На массивный дубовый стол слуги поспешно водрузили пышущий жаром медный самовар. Анастас Николаевич сбросил запыленный в дороге сюртук, оставаясь в белой рубахе, сел к столу и принялся мелкими глотками пить крепкий чай с колотым сахаром.

— Завод увядает, Степан, — тихо, но твердо заговорил барин, глядя на кружащийся над чашкой пар. — Если к осени не найдем новый сбыт, рабочим платить будет нечем. Бирские перекупщики нас задушат. Я решил: везем товар в Николо-Берёзовку. Там ярмарки богаче, купцы пришлые, конкуренция живая. Но места те для меня новые, лица незнакомые. Нужен человек. Хваткий, сметливый, который купеческое нутро насквозь видит и зубы заговорить горазд. Есть такие на Заводе?

Степан Егорыч, внимательно слушавший хозяина, призадумался, а затем его лицо просветлело.

— Есть такой человек, Анастасий Николаевич. На марийской стороне нашего села, в Черемисском Ангасяке живет. Парень молодой, Изибаем зовут. Хоть и инородец, некрещеный пока, а ум у него — чистая бритва. Язык так подвешен, что на Бирской пристани весной при мне ушлого татарского бая вокруг пальца обвел на тридцать рублей серебром. Его бы только барской волей направить, сапоги добрые выдать — он в Берёзовке любого сибирского купца переспорит.

Жадовский поставил чашку на блюдце. Глаза его блеснули прагматичным, злым азартом.

— Изибай, говоришь? Ну что ж, поехали в поле. Посмотрим, что за самородок такой. Вели запрягать дрожки.

Полдень застал их на дальнем ржаном поле, где звенела марийская сторона села. Работа шла споро, но как раз сейчас крестьяне сели на полуденный привал — ужа. Жадовский остановил дрожки у края поля, с любопытством разглядывая марийский быт. Женщины в белоснежных холщовых рубахах с тяжелой красной вышивкой переговаривались, тихо звеня нагрудными украшениями из старых серебряных монет — ягами. От телег пахло сытно и просто: крестьяне ели команмелна — плотные трехслойные блины из овсяной и ржаной муки, макали их в растопленное сало и запивали прохладным, густым эраном из берестяных туесков.

Степан Егорыч зычно крикнул в сторону телег, и от группы работяг отделился невысокий, но ладно скроенный парень с невероятно живыми, цепкими и хитрыми глазами. Это и был Изибай. Он подошел спокойно, без рабского страха, лишь почтительно снял потрепанный валяный картуз перед барином.

— Ну, здорово, Изибай, — Анастас Николаевич окинул его оценивающим взглядом. — Слышал я от приказчика, что ты в торговых делах толк знаешь. А ну-ка, проверю. Вот представь: лежит у тебя в телеге мешок овса подопревшего. А перед тобой стоит купец первой гильдии, у которого золота куры не клюют, но копейку он до смерти бережет. Как ты ему этот овес продашь, да так, чтоб он сам тебе переплатил?

Изибай прищурился, глядя на Жадовского, на секунду задумался, а потом на его смуглом лице расплылась плутовская, уверенная улыбка.

— А зачем овес продавать как овес, батюшка-барин? — заговорил он певуче, но быстро. — Купцу богатому овес не нужен, у него своего полно. Я ему скажу, что это непростое зерно. Скажу, что овес этот с барского поля самого Жадовского, на особой ангасякской земле взращенный, и кони от него не просто сытыми становятся, а ретивыми, как черти, и ходят без устали. Купец золото свое бережет, да тщеславие его сильнее бережливости. Он переплатит не за овес, барин. Он переплатит за то, чтоб его кони барский овес ели и на тракте всех обгоняли.

Анастас Николаевич сначала нахмурился, а затем громко, раскатисто рассмеялся, ударив ладонью по колену. Парень бил точно в цель — в человеческую слабость и жадность.

— Молодец, черемис! — Жадовский повернулся к Степану Егорычу. — Прав ты был. Язык у него и впрямь как бритва. Оформи его моим помощником по сбыту. Выдать ему из амбара добротный суконный кафтан и смазные кожаные сапоги, чтоб перед прикамскими купцами Ангасякский Завод в грязь лицом не ударил. Сбор объявляй немедленно. Завтра на самом рассвете выдвигаемся к Николо-Берёзовке. Посмотрим, как там карты лягут.

Изибай низко поклонился, а Анастас Николаевич Жадовский обернулся и посмотрел на заходящее над Ангасяком солнце. Он еще не знал, что эта поездка к далекой северной пристани навсегда изменит его жизнь, и именно там, среди чужих купцов и темных прикамских ночей, он впервые встретит то, что сделает его хозяином времени — и его же главным рабом.

Глава 2. Таныпская переправа

Раннее ангасякское утро едва пробивалось сквозь плотный, подернутый речной сыростью туман. Анастас Николаевич вышел на крыльцо барского дома, застегивая на ходу пуговицы дорожного сюртука. Лошади уже стояли запряженными, нетерпеливо перебирая ногами и шумя на перекатах, выдыхая белые струи пара в прохладный августовский воздух. Изибай, непривычно прямой и гордый в новом суконном кафтане и поскрипывающих смазных сапогах, сидел на козлах рядом со Степаном Егорычем.

Выехали засветло. Дрожки мягко покатили по песчаной улице, миновали Свято-Успенский храм, чьи деревянные купола смутно белели в предрассветных сумерках, и вскоре Ангасяк остался позади.

Дорога на север уходила в глубь векового уральского леса. Жадовский откинулся на сиденье, подставив лицо холодному утреннему ветру. Лес вокруг стоял стеной — дремучий, суровый, пахнущий прелой хвоей, сырым мхом и грибной сыростью. Могучие сосны-великаны, казалось, подпирали своими темными вершинами хмурое небо, а редкие золотые мазки увядающих берез напоминали о неизбежном приближении осени. В этой вековой тишине, нарушаемой лишь мерным поскрипыванием колес да фырканьем коней, Анастаса Николаевича накрыли тяжелые думы.

Внутренний монолог барина был безрадостным. Дела увядающего Ангасякского завода камнем лежали на сердце. Да, сейчас, в августе, часть товара кое-как удалось сбыть на Бирской пристани, но это были крохи, едва покрывавшие старые дядины долги. Постоянно продавать в Бирске — значит сознательно идти под нож к местным ушлым скупщикам. Нужно было ломать эту систему. В Николо-Берёзовку он ехал не просто продавать остатки — он ехал разведать почву, нащупать новые жилы, завести связи с крупными камскими купцами. Но сомнения грызли изнутри. С кем там иметь дело? Кто подставит плечо молодому барину, а кто попытается обобрать до нитки? Как выжать из завода больше денег, где найти тот самый фарт, который поднимет Ангасякский завод с колен? Анастас хмурился, глядя на проплывающие мимо мрачные чащобы. Казна требовала налогов, рабочие — платы, а Бог словно отвернулся от его земель.

К полудню дремучий сосновый лес наконец-то расступился, и дрожки Жадовского выехали к широкому, пологому песчаному берегу. Впереди, вздымая мелкие буруны и шумя на перекатах, несла свои мощные, темные воды река — Быстрый Танып. Вода в ней была холодной, торфяной, лениво лизавшей деревянные сваи старой паромной переправы. Танып разделял волости уезда, и перебраться через его быстрое течение в этих местах можно было только на тяжелом бревенчатом пароме.

Дрожки Жадовского заехали на дощатый настил. Паромщики натужно налегли на канаты, и тяжелый плот медленно поплыл по течению, борясь с напором Быстрого Танып. Оказавшись на противоположном, северном берегу, Анастас Николаевич сошел на землю, приказав Степану Егорычу дать коням короткий роздых. Барин немного постоял у кромки воды, подставив лицо прохладному речному ветру и провожая глазами уходящий обратно к южному берегу пустой паром.

Вдруг со стороны касевского тракта послышался дробный стук копыт, и к переправе подкатил крытый казенный тарантас. Из него, потягиваясь от долгой дороги, вышел молодой чиновник в строгом вицмундире с блестящими пуговицами. Анастас Николаевич присмотрелся, и лицо его удивленно вытянулось.

— Мишель? Михаил Сергеевич, ты ли?! — окликнул Жадовский.

Чиновник обернулся, вгляделся в лицо барина и радостно всплеснул руками:

— Анастас! Друг детства! Какими судьбами в этих глухих углах уезда?

Это был Михаил Белов, товарищ Анастаса по уфимской гимназии, ныне служивший уездным регистратором по казенным делам. Они крепко, по-мужски обнялись. Разговор поначалу

потек легко: вспоминали гимназические проказы, общих уфимских знакомых, шутили. Но стоило Михаилу перевести речь на сегодняшние дни, как атмосфера изменилась.

— Ну а сам-то как, Анастас Николаевич? — с улыбкой спросил чиновник, поправляя фуражку. — Слышал, в наследство вступил, Ангасякский завод принял. Поди, теперь как сыр в масле катаешься, ангасякское винокурение-то на всю губернию гремело!

Жадовский мгновенно помрачнел. Он отвел взгляд на темные воды Быстрого Таныпа, заложил руки за спину и хмуро процедил:

— Гремело-то гремело, Мишель... Да всё в прошлом. Завод увядает. Бирские купцы — волки, цену сбивают, дышать не дают. Еду вот в Берёзовку, ищу новые выходы, да только душа не на месте. Не знаю, с какого боку к тамошним тузам подступиться, чтоб опять в дураках не остаться.

Михаил Сергеевич, будучи человеком проницательным и по долгу службы знавшим изнанку многих уездных дел, сразу понял, как туго приходится другу. Положив руку на плечо хмурого Жадовского, он негромко произнес:

— Полно тебе чернеть лицом, Анастас. Слушай меня внимательно. Раз уж ты держишь путь на Николо-Берёзовку, то не доезжая до пристани верст десять, будет большое село Касево. Остановись там. В Касево стоит усадьба Виштомовых. Они купцы первой гильдии, хозяева огромного Торгового дома. Глава их рода, старик Гаврила Гаврилович, и сыновья его — люди редкой чести и благородства. О делах твоих заводских поговори с ними. Виштомовы всю прикамскую хлебную и спиртовую торговлю насквозь знают, у них свои баржи и пароходы по Каме ходят. Тебя, как соседа по уезду, примут радушно, подскажут, с кем в Берёзовке дело иметь, а кого стороной обходить. Виштомовы — купцы честные, не обманут, помяни мое слово.

В этот момент паром, совершив обратный рейс, с глухим стуком снова причалил к этому берегу.

— Ну, мне пора на ту сторону, Анастас, — Михаил крепко пожал Жадовскому руку, давая кучеру знак заезжать на доски. — Удачи тебе в Берёзовке. Храни тебя Бог.

— Спасибо, Мишель. Век не забуду твоего совета, — ответил Анастас, провожая взглядом друга, чей тарантас заехал на паром, уплывающий обратно на юг.

Дрожки Жадовского тронулись дальше на север, углубляясь в касевские земли. Анастас Николаевич ехал, и впервые за этот долгий день на его лице появилась слабая, облегченная улыбка. Тяжелые думы отступили. В совете старого друга ему почудился добрый знак. Бог словно Сам указывал ему верную дорогу через это Касево к почтенным купцам Виштомовым. Душа молодого барина наполнилась робкой, но упрямой надеждой.

Глава 3. Касёвское гостеприимство

Дорога от Таныпской переправы до Касева бежала ходко, петляя среди пожелтевших холмов. Анастас Николаевич, заметно приободрённый встречей с гимназическим другом, подался вперёд и негромко заговорил с приказчиком:

— Вот что, Степан... Скупщики калибром помельче в Берёзовке нам без надобности. Сразу к Виштомовым пойдём. Но купец первой гильдии — птица гордая, на хромой кобыле к нему не подъедешь. Надо бы разузнать, какую струну в его душе зацепить, чтобы он нас всерьёз воспринял. С чем подойти? Как разговор завязать, чтобы и дворянскую честь не уронить, и выгоду для Ангасякского завода не упустить?

Степан Егорыч нахмурился, подбирая слова, но тут с козел лениво обернулся Изибай. Его хитрые глаза маслянисто блестели.

— А чего тут думать, барин? — певуче протянул мариец, поправляя новый картуз. — Пока вы на том берегу с казенным чином обнимались да за жизнь толковали, я времени не

терял. У паромщиков да у мужиков подневольных язык быстро развязывается, коли к ним с уважением. Вот я и поспрашивал, что за люди эти Виштомовы.

Жадовский удивлённо приподнял бровь:

— И что же выведал, умник?

— О-о, барин, Виштомовы в этих краях — почитай, как цари, только добрые, — зачастил Изибай, явно довольный собой. — Старик Гаврила Гаврилович с сыновьями богатство имеют несметное, да в сундуках его не гноят. Меценаты! Каменную церковь в Касево отгрохали — прихожане налюбоваться не могут. Мельницы у них, крупорушки, кузница своя, а по Каме и Белой аж собственный пароход хлеб возит! К людям они, сказывают, жалостливы, работников не обижают, оттого и дела у Торгового дома идут почище, чем у иных уездных вельмож. Под горой у них огромные склады, хлебные амбары, а на верхнем этаже усадьбы — живые палаты.

Эти слова заставили Жадовского крепко задуматься. Хлебный пароход... Собственные амбары... В голове молодого барина, уже утомлённого вечной нуждой и дядиными долгами, мгновенно зародился дерзкий, далеко идущий расчёт. Если Виштомов настолько богаты и при этом благочестивы, то на их авторитете и связях можно выстроить такое дело для Ангасякского завода, что бирские перекупщики лопнут от зависти.

Анастас Николаевич хитро, по-волчьи улыбнулся, глядя на притихшего марийца, и одобрительно кивнул:

— Хорош, Изя. Далеко пойдёшь. Услужил.

Вскоре дрожки начали затяжной подъём на высокую касёвскую гору. Когда они поднялись на вершину, у Жадовского перехватило дыхание. Перед ним, прямо на просторной площади перед купеческой усадьбой, бурлила осенняя ярмарка. Торговые ряды ломились от товара: кричали зазывалы, пахло свежим дегтем, мочёными яблоками, сушёной рыбой и мёдом. Сотни людей сновали между телегами, торговались и шумели.

А сразу за ярмарочным разгулом, уходя крестами в блёклое августовское небо, величественно высилась каменная Петропавловская церковь. Здание было потрясающей красоты: белёные стены, строгие линии классицизма и новенькая, сияющая на солнце колокольня. Во всём этом чувствовался крепкий хозяйский кошель и безупречный вкус. Рядом высились и сами здания Виштомовых — два огромных белых дома, соединённых монументальным внутренним переходом.

Пока Анастас Николаевич заворожённо любовался храмом и размахом купеческого подворья, Изибай уже успел соскочить с дрожек и шмыгнуть в толпу. Не успел барин одёрнуть кафтан, как мариец вернулся, указывая пальцем на церковное крыльцо:

— Барин, гляди скорее! Вон он, сам старик Гаврила вон из храма выходит!

Жадовский торопливо зашагал через площадь, лавируя между телегами и лоточниками. На ступенях Петропавловской церкви стоял пожилой, крепкий мужчина в окладистой седой бороде и строгом, дорогом купеческом кафтане. Его взгляд был спокойным, хозяйским и бесконечно мудрым.

— Гаврила Гаврилович? — окликнул Анастас Николаевич, подходя ближе и почтительно снимая шляпу. — Позвольте представиться. Сосед ваш по уезду, Анастас Николаевич Жадовский, Ангасякского завода хозяин.

Старик Виштомов медленно повернул голову. Его бывалые, повидавшие виды глаза скользили по молодому барину с мягкой, но проницательной улыбкой. Купец первой гильдии насквозь видел людей — он сразу приметил и запылённый шик суконного барского сюртука, и лихорадочный, ищущий блеск в глазах молодого дворянина.

Анастас Николаевич, желая с ходу расположить к себе влиятельного купца, обернулся на сияющие купола и с притворным восхищением выдохнул:

— Какой храм! Какая архитектура! Касёвское чудо, право слово. Я ведь знаю, Гаврила Гаврилович, что ваша почтенная семья давала немалые деньги на это святое строительство. Истинно великое дело для всего Бирского уезда совершили!

Жадовский говорил это с таким видом, будто искренне восхищался чужой щедростью, тайно надеясь, что купеческое тщеславие растает от барской похвалы. Но старик Виштомов лишь тихо, понимающе усмехнулся в усы. Он прекрасно видел эту неприкрытую лесть и понимал, что ангасякский барин приехал к нему не церкви рассматривать, а просить о помощи или искать капиталы для своего увядающего производства. Однако, признавая в Жадовском пусть и обедневшего, но благородного дворянина и соседа, Гаврила Гаврилович степенно перекрестился на икону над входом и ответил глубоким, ровным басом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.